О Т З Ы В

на автореферат

Шибановой Марины Александровны,

выполненный на тему «Конституционное право человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания в современной России» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право (Саратов, 2009, 23 стр.)

В автореферате М. А. Шибановой изложены результаты актуального исследования, посвященного проблемам реализации в Российской Федерации права на свободу совести и вероисповедания.

Провозглашенная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (ст. 1, 2) гласит, что никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору, а свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, и исключает дискриминацию на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц. Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации предоставляет право на свободу совести каждому. Граждане Российской Федерации равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии, и не может быть подвергнут принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или

неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии.

Следует отметить, что отношения, связанные с гарантией реализации права на свободу совести и вероисповедания, особо значимы для Российской Федерации, учитывая опыт ее государственного развития и формирования государственно-конфессиональных отношений в XX веке. Значимость исследования объясняется и сложностью вероисповедальной карты России. Поликонфессинальный состав населения Российской Федерации и наличие регионов с преобладающим численным составом отдельных конфессий: православия (большинство регионов центральной части России), ислама (Северокавказские республики и некоторые регионы Поволжья), буддизма (Калмыкия, Бурятия) предполагает необходимость формирования четких отлаженных механизмов гарантирования реализации свободы совести и вероисповеданий каждому гражданину Российской Федерации.

В связи с актуальностью темы представляется оправданной сформулированная автором цель исследования и те задачи, решение которых, способствует достижению поставленной цели. Некоторые из задач могут быть предметом отдельного исследования (например, определение места и роли права на свободу совести и вероисповедания в системе других прав и свобод человека и гражданина).

Безусловно, интересным представляется мнение автора по вопросу о понятиях «свобода совести» и «свобода вероисповедания» и их соотношении. Можно согласиться с М. А. Шибановой в том, что вопрос о соотношении понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» является дискуссионным.

Свобода совести, как правило, рассматривается как естественное право человека иметь любые убеждения. При этом необходимо отметить, что термин «свобода совести» в английском языке звучит как «liberty of conscience», то есть свобода осознания, познания Бога, Вечного Закона (lex aeterna) – всеобщего закона миропорядка, определяющего течение всех естественных и

общественных процессов. Согласно этимологическому словарю Фасмера слово «совесть» тождественно слову «ведать», то есть «весть», знание. С точки зрения философии совесть выступает в качестве внутреннего нравственного критерия оценки собственных действий. Таким образом, свобода совести – это естественное право, данное человеку от рождения познавать Вечный Закон.

Свобода вероисповедания рассматривается как право исповедовать любую религию. Тем не менее, данные понятия в российской правовой науке, как правило, не разграничиваются, что обусловлено, прежде всего, тем, что законодатель употребляет данные термины как тождественные. Так, С. А. Авакьян отмечает, что «Федеральный закон 1997 года «О свободе совести и религиозных объединениях» не проводит каких-либо различий между свободой совести и свободой вероисповедания, по тексту акта они используются совместно в виде обобщенного понятия. Причем надо отметить, что в Законе предусмотрено одно право личности, охватывающее обе данные свободы. Ст. 3 именуется «Право на свободу совести и свободу вероисповедания». Однако «из анализа ст. 28 Конституции и ст. 3 Закона следует, что к содержанию данного права и соответствующих свобод нужен многоаспектный подход»[1].

Тем не менее, несмотря на сложившуюся ситуацию М. А. Шибанова, последовательно и доказательно разводит данные понятия. Она рассматривает свободу совести и вероисповедания, как право человека принимать или не принимать любые мировоззренческие системы, религиозные верования, исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь, менять, распространять и выражать религиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними, не подвергаясь преследованиям и дискриминации со стороны государства и общества (стр. 15). При этом отмечая, что свобода совести, по сути, сводится к наличию для человека узаконенных возможностей поступать свободно, не по принуждению, а так, как он полагает необходимым в

[1] См.: Авакьян С. А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1999. № 1.

соответствии с его убеждениями при условии соблюдения условленного правопорядка (стр. 9), а свобода вероисповедания – к возможности открыто следовать выбранной религии (стр. 10).

Как представляется, четкое разграничение данных понятий особенно ценно в плане не только теоретической, но и практической значимости работы, поскольку позволяет более корректно использовать данные термины в законодательстве.

Интерес вызывает третий параграф первой главы, в котором автор определяет роль и место конституционного права человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания в системе конституционных прав и свобод в Российской Федерации. М.А. Шибановой рассматривается взаимосвязь свободы совести и вероисповедания с правом на образование, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и т.п.

Кроме того, представляют интерес авторский анализ практических аспектов реализации права на свободу совести и вероисповедания, в том числе и вопросов гарантий реализации данного права, которые рассматриваются М. А. Шибановой во второй главе диссертационного исследования.

В плане научной дискуссии хотелось бы обратить внимание на ряд моментов.

В пятом положении, выносимом на защиту, автор указывает на недопустимость введения в законодательство понятия «традиционная религиозная организация», поскольку данная формулировка может нарушить конституционный принцип светскости государства (стр. 10).

На наш взгляд, введение того или иного термина само по себе не может ни нарушить принцип светскости государства, ни служить основанием дискриминации отдельных конфессий или религиозных организаций. В случае введения объективных критериев отнесения религиозных организаций к числу традиционных, а также установления прав и обязанностей таких организаций, не приводящих к усилению их влияния на государство или созданию для них особых условий по отношению к другим организациям, ставящих их в

привилегированное положение, никакого ущерба принципу светскости причинено не будет.

Также можно усомниться в позиции автора определенной в восьмом положении, выносимом на защиту (стр. 11). М. А. Шибанова утверждает, что основной проблемой, затрудняющей работу правозащитных организаций в сфере реализации конституционного права на свободу вероисповедания, является нехватка финансовых средств. На наш взгляд в настоящее время существуют более значимые проблемы, связанные с реализацией функций правозащитных организации. Очевидна необходимость развития системы механизмов действия данных организаций по защите прав и свобод граждан, а также, обеспечения развития информационных и организационных форм их деятельности.

Тем не менее, указанные замечания не снижают научной ценности исследования М. А. Шибановой.

Результаты диссертационного исследования представлены в ряде публикаций. Судя по автореферату, содержание и форма диссертации соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, ее автор Шибанова М. А. заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право.

Ведущий научный сотрудник
отдела правовой информации
Иркутского областного государственного
научно-исследовательского учреждения
«Институт законодательства и правовой информации»,
кандидат юридических наук Л. Ю.Черняк

15 апреля 2009 года